

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

98

ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

В. И. САРИАНИДИ

ХАПУЗ-ДЕПЕ КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ

Эпоха бронзы в истории развития земледельческо-скотоводческих племен юго-восточной Туркмении изучена намного хуже, чем предшествующий энеолитический период¹. Чтобы восполнить этот пробел, в 1962 г. геоксюрским отрядом Кара-Кумской экспедиции проведены раскопки поселения Хапуз-депе. Кроме получения нового материала по эпохе бронзы ставилась и вторая задача — выяснение культурно-хронологической принадлежности материалов в нижних слоях поселения. Это объясняется тем, что на основании сборов с поверхности памятника было высказано предположение об основании Хапуз-депе выходцами с Геоксюрского оазиса, что имеет важное значение для воссоздания исторической динамики древних племен этого района.

Поселение занимает около 10 га; поверхность его довольно ровная, включая южную, более возвышенную часть (высотой около 7 м). С восточной стороны поселение огибает древний дельтовый проток Теджена шириной в 60 м; с западной окраины прослеживается понижение, по-видимому, старица. Верхний слой основной части памятника содержит материал времени Намазга IV, а вышеупомянутая возвышенная часть — Намазга V. На поверхности, кроме фрагментов расписной посуды (рис. 15), найдено много обломков медных поделок [иголки, биконические навершия булавок, «лопаточки», лезвия ножей и кинжалов (?), рис. 15 — 9—15]. На западной окраине отмечены следы медеплавильной печи, шлаки, обломки «ляйчек» с остатками медных натеков. Найдено свыше 30 кремневых наконечников стрел листовидной формы с двусторонней ретушью и несколько треугольно-черешковых с пильчатой ретушью (рис. 15 — 16—22), несколько карандашевидных нуклеусов и пластин со следами заполированности. Обломки металлических и каменных печатей дополняют общую характеристику поверхностного материала. Среди расписных черепков с геометрическим орнаментом встречены единичные экземпляры с изображениями птиц и барсов, более характерных для керамического комплекса времени Намазга III поселений подгорной полосы Копет-Дага.

Здания на Хапуз-депе не раскапывались, но, судя по размытой части, строительные комплексы состояли из групп взаимосвязанных помещений размером от 3 × 5 м до 5 × 7 м, часть которых связана общими проходами (рис. 15 — 23).

¹ См. А. Ф. Г а н я л и н, Алтын-депе. Труды ИИАЭ, т. V, 1959, стр. 30—37; К. А. А д ы к о в, В. М. М а с с о н, Древности Теджен-Мургабского междуречья, Изв. АН ТССР, 1960, стр. 62—63, № 5; В. И. С а р и а н и д и, Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореферат канд. диссертации, М., 1963, стр. 8—9. О н ж е. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 151.

Приношу глубокую благодарность С. И. Иорданиди, оказавшему большую помощь в работе отряда.

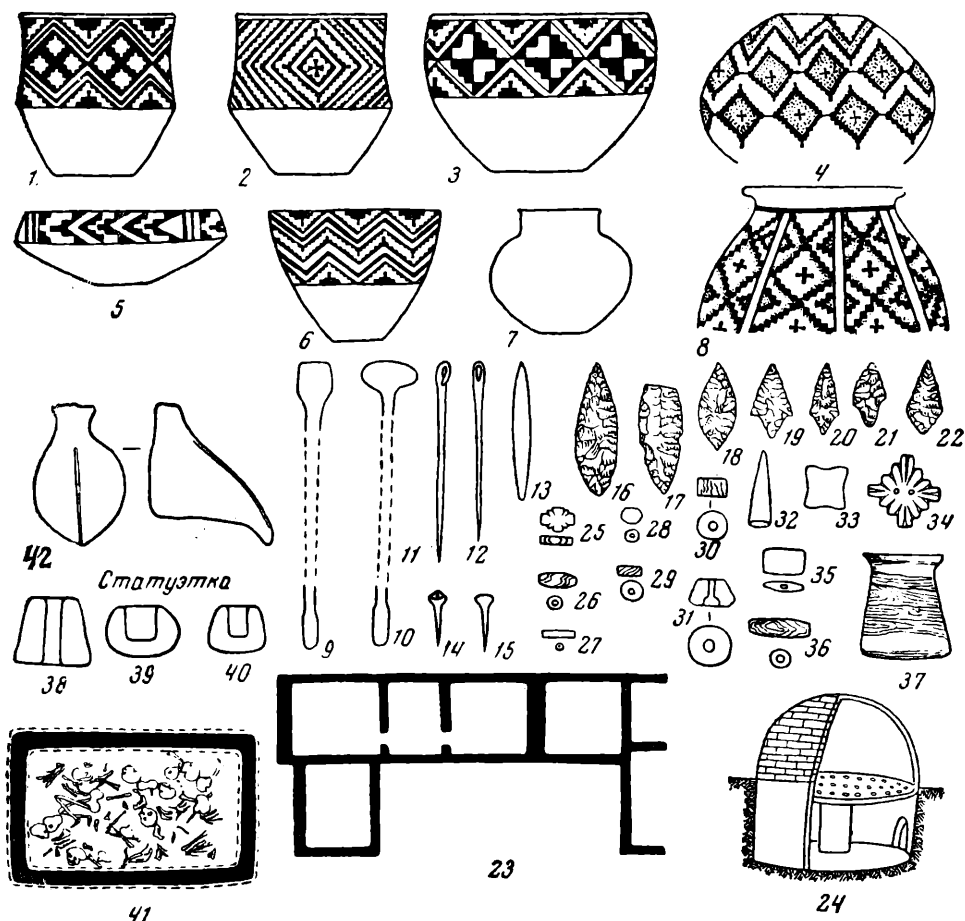

Рис. 15. Материалы с поселения Хапуз-депе

1—2 кубки; 3—полусферическая чаша; 4—сферический сосуд; 5—миска; 6—ковчешская чаша; 7—сероглиняный горшок; 8—хум с росписью; 9—15—медные подделки; 16—22—кремневые наконечники стрел; 23—планировка поселения; 24—реконструкция керамической печи; 25—36—украшения из камня; 37—каменный сосуд из погребения; 38—40—керамические пряслица; 41—коллективное захоронение в гробнице; 42—статуэтка

Керамическая печь, раскопанная на западной окраине, сохранила лишь прямоугольную топку, впущенную в культурный слой. Топка изнутри обмазана в несколько слоев глиной с саманом, корпус плавно сужается к круглому устью. От устья до торцевой части топки тянется продольная стенка; вся внутренняя часть топки сильно ошлакована. Печь относится к типу двухъярусных, у которых обжигательная камера устроена над топкой. Несохранившийся под с продухами опирался на продольную стенку. Аналогичные печи известны на Намазга-депе².

Вторая печь раскопана на южной окраине Хапуз-депе. Сохранилась лишь округлая в плане, впущенная в культурный слой топка с вытянутым устьем. В центре ее сооружен массивный опорный столб, прямоугольный в разрезе (рис. 15—24). Печь также относится к типу двухъярусных, но под обжигательной камерой опирался на столб. Аналогичные, но намного лучшей сохранности горны известны на Намазга-депе, где они выделены нами в первый тип³. Обе печи реконструируются в следующем виде: через

² Подобные печи на Намазга-депе выделены нами во II тип (В. И. Сарияниди. Керамическое производство древнеармянских поселений. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, 1958, стр. 337—338).

³ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 335—336.

устье топки загружались дрова; горячий воздух через продухи в перекрытии топки попадал в обжигательную камеру, где стояли полуфабрикаты. Обжигательная камера находилась на поверхности и, видимо, имела купольное перекрытие; сбоку возможно находился загрузочный лаз, через который в камеру ставили приготовленные для обжига сосуды⁴.

Обе печи, по-видимому, использовались уже в пору Намазга IV и, несомненно, в последующее время — Намазга V.

Основной шурф (размер сверху 6×2 м; внизу 1×1 м) был заложен на наивысшей точке поселения и, прорезав семиметровую толщу культурных слоев, углубился еще на 0,5 м в «материковые» аллювиальные отложения. Шурф прошел через завалы сырцового кирпича (остатки разрушенных зданий, мусорных остатков, зольников), а в некоторых ярусах расчищены стены и полы бывших помещений.

Основная часть обнаруженной посуды сделана из плотной массы с незначительными примесями, исключая котлы, в тесте которых большое количество шамота. Нерасписная «столовая» посуда отчасти изготавливалась кольцевой, ленточной техникой с последующей отделкой на гончарном круге. У фрагментов из наиболее ранних слоев шурфа — венчики выделаны на гончарном круге, в то время как тулово формовалось вручную.

В изготовлении расписной посуды отмечается широкое применение техники «наковальни и лопаточки»; не исключено, что этой техникой формировались болванки, заготовленные на гончарном круге. Некоторые сосуды (в первую очередь миски) дают сочетание формовки на гончарном круге с последующим дополнением ручной лепкой⁵.

Как правило, расписная керамика покрыта ангобом, поверх которого нанесена фоновая заглазуровка красного или желтоватого цветов, реже кремовая и зеленоватая. Заглазуровка внутри сосудов обычно темнее, в чем прослеживается более ранняя «геоксюрская» традиция. Сами рисунки выполнены черной или коричневой краской, реже красноватой; в единичных случаях отмечена белая краска. Как правило, орнамент нанесен на внешнюю поверхность, в редких случаях венчики изнутри скупо украшены отдельными элементами геометрического орнамента (рис. 16).

Расписная посуда представлена пятью основными формами: полусферические чаши, конические чаши, миски, кубки, небольшие сферические сосуды. Исключая кубки и сферические сосуды, остальные формы хорошо известны по керамическому комплексу предшествующего, геоксюрского периода.

Нерасписная посуда включает крупные хумы, хумчи, тазообразные тагоры, котлы.

Обратимся к материалам шурфа, который копался по ярусам (один ярус 0,5 м). Всего вскрыто XIV ярусов; нижний слой толщиной до 1 м (XIV—XIII ярусы) содержит фрагменты керамики, роспись которых во многом близка орнаментам посуды верхнего горизонта Чонг-депе. Не исключено, что этот керамический комплекс генетически восходит к посуде позднегеоксюрского типа, однако следует указать, что в шурфе не найдено ни одного фрагмента с ведущим мотивом керамики геоксюрского стиля — крупного, контурного креста. Возможно, это объясняется малыми размерами шурфа, материал которого очень беден и сильно фрагментирован. В целом же материалы XIV—XIII ярусов полностью относятся ко времени Намазга III.

Вышележащая пятиметровая толща культурных напластований (XII—III ярусы) содержит материал времени Намазга IV. Среди расписной посуды наиболее распространены кубки с вертикально поставленными стенками и резко подкошенной придонной частью. Они украшены разнообраз-

⁴ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 327, рис. 8.

⁵ Все приведенные наблюдения по технике изготовления посуды сделаны П. М. Кожиньим.

Орна- мен- ты Формы												
	+	+	+		+		+	+	+			
			+			+			+	+		
				+		+				+		+
				+							+	
												+
												+

Рис. 16. Таблица форм и орнаментации керамики поселения Хапуз-депе

ными мотивами сильно измельченного геометрического орнамента (рис. 15—1, 2). Второе место по количеству занимают полусферические чаши (рис. 15—3) и миски (рис. 15—5), в меньшей степени — конические чаши (рис. 15—6). Орнаменты этих форм сосудов почти полностью повторяют аналогичные рисунки соответствующих форм керамики геоксюрского стиля. Чрезвычайно редки небольшие сферические сосуды, как правило, украшенные парадной полихромной росписью (рис. 15—4). Крупные сосуды типа хумов и хумчей обычно не орнаментировались и только в единичных случаях они покрыты орнаментацией (рис. 15—8).

В VII ярусе расчищена плохо сохранившаяся подпрямоугольная погребальная камера (240 × 160 см) со следами плетеной тростниковой подстилки на полу. В камере были хаотически нагромождены человеческие кости. Верхние скелеты частично сохранили анатомическое расположение костей, ноги (когда это можно было проследить) согнуты в коленях. Поверх скелетов находилось десять черепов, причем у некоторых из них челюсти отчленены и находятся в разных частях камеры. Судя по взаимному расположению скелетов, захоронения в камере производились последовательно. Из погребального инвентаря найдены две расписные чашечки. Сверху костяки перекрыты развалом сырцового кирпича, по-видимому, остатками разрушенного верха камеры.

В V ярусе расчищен одиночный скелет в обычной могильной яме, у таза находился целый каменный сосудик (рис. 15—37). На границе V—VI ярусов, в обресе шурфа выступили три человеческих черепа, скелеты которых находятся под нераскопанной частью; найдена пронизка и гипсовая бусина. Черепа и верхние части скелетов перекрыты сверху обломками кирпича и, возможно, принадлежат коллективным захоронениям в камере.

В начале IV яруса расчищена «площадка», состоящая из бессистемного скопления человеческих скелетов. Среди костей, преимущественно в верхней части, найдено восемь черепов, около одного из них аккуратно сложено три челюсти. Сверху скелеты перекрыты кусками сырцового кирпича, так что можно предполагать в этом месте большую погребальную камеру (рис. 15—41). Погребальный инвентарь состоит из металлического шила, каменного сосудика и целой расписной чаши.

Часть скелетов осталась невыявленной. Они уходят за пределы исследованной площади.

В середине III яруса, в специальной кирпичной цисте расчищен скорченный костяк, на локте которого лежало необожженное глиняное колесико.

В этом же ярусе обнаружено три больших сосуда типа хумов с детскими захоронениями; в одном из них — два скелета и небольшой сосудик с трубчатым носиком. Если не все, то один из хумов не был закопан в землю, а первоначально стоял снаружи; к моменту раскопок он лежал на боку, так что часть костей высыпалась из него и находилась рядом. Очевидно, хум довольно долго стоял в вертикальном положении, и к тому времени, когда он упал на бок, плоть погребенных уже разложилась. Два хума из трех поставлены вверх дном, а донца их обиты, что, видимо, вызвано небольшими размерами устьев, через которые не проходили трупы. Как видно, для детских погребений употреблялись обычные бытовые сосуды, у которых специально отбивалось дно, через которое и производилось положение умерших. Все эти погребения относятся уже к следующему времени — Намазга V.

Верхняя метровая толща шурфа (I—II ярусы) содержит керамический комплекс, резко отличный от вышеописанного. Вся посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения и, как правило, нерасписная. Основные формы: крупные хумы, горшки, кувшины без ручек, глубокие миски, воронкообразные вазы на высоких ножках. Большая часть посуды отличается тонкостью выделки, хорошей моделировкой, вычурностью форм. В небольшой мусорной яме найдено два колеса с четко выраженными втулками и схематично вылепленная головка верблюда. Все эти детали принадлежат модели повозки, у которой в переднюю часть вмазана головка верблюда. Такая целая модель четырехколесной повозки известна с Алтын-депе⁶. Кроме того, здесь же найдено пять женских статуэток, у которых спереди спускаются налепные, извивающиеся косы (рис. 15 — 42).

Второй контрольный шурф, размером 4 × 2 м и глубиной 3 м, был заложен на западной окраине поселения. Шурф не был доведен до «материка»; ниже идут культурные слои. Первый сверху ярус соответствует X ярусу шурфа № 1, а общую глубину составляют X—XV ярусы. Материалы вскрытых слоев в целом соответствуют находкам из основного шурфа. На восточном склоне поселения заложена траншея, давшая большой керамический материал времени Намазга IV. Было установлено, что с восточной стороны поселения идет не пологий, а почти вертикальный обрыв, засыпанный надувным песком. Не исключено, что дальнейшие зачистки в этом месте позволят выявить остатки обводной стены, у основания которой проходило древнее русло реки.

Археологические раскопки на Хапуз-депе указывают на его хронологическую и культурно-историческую преемственность с соответствующими наиболее поздними памятниками Геоксюрского оазиса. Миграция древней дельты р. Теджен на северо-запад в начале III тысячелетия до н. э. привела к тому, что весь Геоксюрский оазис оказался практически безводным, и жизнь в нем прекратилась⁷. Однако южнее еще продолжали функционировать полноводные русла, где можно было вести земледельческое хозяйство. Есть все основания предполагать, что выходцы из Геоксюрского оазиса и основали новое поселение Хапуз-депе.

Весь комплекс расписной посуды Хапуз-депе очень близок соответствующим материалам поселения Намазга-депе, где слои периода Намазга IV достигают мощности 6,5 м⁸. Но некоторое отличие в том, что на Юго-Восточных памятниках относительно шире распространена двухцветная роспись, в то время как в подгорной полосе Копет-Дага более полно представлена сероглиняная посуда. Последнее обстоятельство, возможно, дейст-

⁶ А. Ф. Г а н я л и н. Алтын-депе. Труды ИИАЭ, т. V, Ашхабад, 1959, табл. V.

⁷ Г. Н. Л и с и ц ы н а. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 72.

⁸ В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956; Б. А. Л и т в я н с к и й. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4.

вительно объясняется более близким расположением центрально-анауских памятников к поселениям Северного Ирана⁹. С другой стороны, устойчивое сохранение (хотя и в ограниченном количестве) полихромных росписей в посуде поселений Юга-Востока объясняется в целом местными локальными особенностями предшествующего периода.

Как показали материалы обоих шурфов, уже начиная с ранних этапов периода Намазга IV, большая часть посуды выделяется на гончарном круге. Это обстоятельство имеет решающее значение для определения исторического уровня развития племен Южной Туркмении.

Полученные материалы с Хапуз-депе во многом расширяют круг аналогий между культурами земледельческого юга и более северными племенами, и в первую очередь заманбабинской культурой. Четкие соответствия прослеживаются в кремневом инвентаре, медных и каменных украшениях и др. Особенно важно отметить находку керамической печи на поселении заманбабинской культуры¹⁰, полностью аналогичной вышеописанному горну № 2 Хапуз-депе. Очевидно, есть основания предполагать не только культурное влияние, но и проникновение части населения из подгорной полосы Копет-Дага дальше на север. Не исключено, что это были выходцы из Юго-Восточной Туркмении, наиболее близко расположенной к Бухарскому оазису. Кроме того, именно в этой части земледельческого мира на рубеже III—II тысячелетий до н. э. наблюдается резкое смещение обжитых районов, связанное с изменениями течения основной водной артерии Юго-Восточной Туркмении — древнего Теджена.

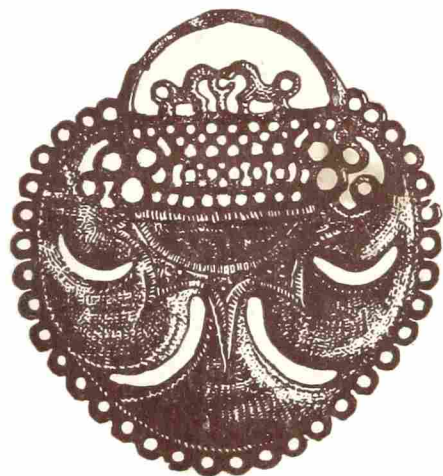
Отмеченные связи Юга и Севера Средней Азии — наиболее ранние из археологически засвидетельствованных и имеют важное значение для воссоздания древней истории Средней Азии.

⁹ В. М. М а с с о н. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 48; А. Ф. Г а н я л и н. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТССР, 1953, № 5, стр. 14—20.

¹⁰ А. А с к а р о в. Поселение Заман-Баба. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 90.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2
1975

В. И. САРИАНИДИ

СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА ЭПОХИ БРОНЗЫ В МАРГИАНЕ

Раскопки оседлоземледельческих памятников эпохи поздней бронзы в Южном Туркменистане установили, что среди гончарной высококачественной посуды встречается в небольшом количестве лепная, с нарезным орнаментом керамика, более характерная для степных культур андроновского круга. В результате была выдвинута гипотеза о проникновении скотоводческих племен в традиционно земледельческие оазисы¹, которая, однако, в последнее время была поставлена под сомнение². Поскольку взаимоотношение степных и земледельческих племен Средней Азии далеко выходит за пределы чисто археологических проблем и, наоборот, многие авторы связывают с этим процесс расселения арийских племен³, есть все основания для пересмотра этого узлового вопроса на новом археологическом материале. Поэтому, когда в 1972 г. небольшой отряд Института археологии АН СССР возобновил разведочные работы в древней дельте р. Мургаб, проблеме соотношения лепной степной керамики и гончарной, оседлоземледельческой, было уделено особое внимание. В результате обследования уже известных поселений, таких, как Аучин и Тахирбай 3, на них была собрана дополнительная коллекция керамики степного круга. Кроме того, удалось открыть ранее неизвестные земледельческие памятники, с поверхности которых собрана небольшая коллекция лепной орнаментированной посуды, и, что особенно интересно, в непосредственной близости от них были выявлены развешенные стоянки с материалом, типичным для степных культур.

Прежде чем перейти к конкретной характеристике этой посуды, отметим, что вся она лепная, глина содержит большую примесь измельченной керамики, обжиг неравномерный, черепок в изломе темный, отдельные фрагменты несут следы более качественного обжига, и тогда черепок имеет розоватый оттенок. В массе своей исследуемая коллекция представлена фрагментами, и можно лишь предполагать, что это были горшковидные сосуды с плоским дном, округлым туловом и слабо профилированным, почти всегда отогнутым венчиком. Орнамент (нарезной, нацарапанный, вдавленный) обычно располагается под самым венчиком и широким фризом охватывает весь корпус сосуда. Как правило, фрагменты покрыты ангобом (чаще всего нанесенным до орнаментации самого сосуда) светлых тонов. После этих замечаний перейдем к описанию самой керамики.

¹ Историю вопроса см. *Е. Е. Кузьмина*. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 141—158.

² *И. Н. Хлопин*. Проблема происхождения культуры степной бронзы, КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 54—58; *Л. И. Хлопина*. Кухонная керамика времени Намазга VI. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 59—64; *L. I. Hlopina*. Southern Turkmenia in the Late Bronze Age, East and West. Roma, 1972, vol. 22, 3—4, p. 212—213.

³ Подробнее см. *Э. А. Грантовский*. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 48—54.

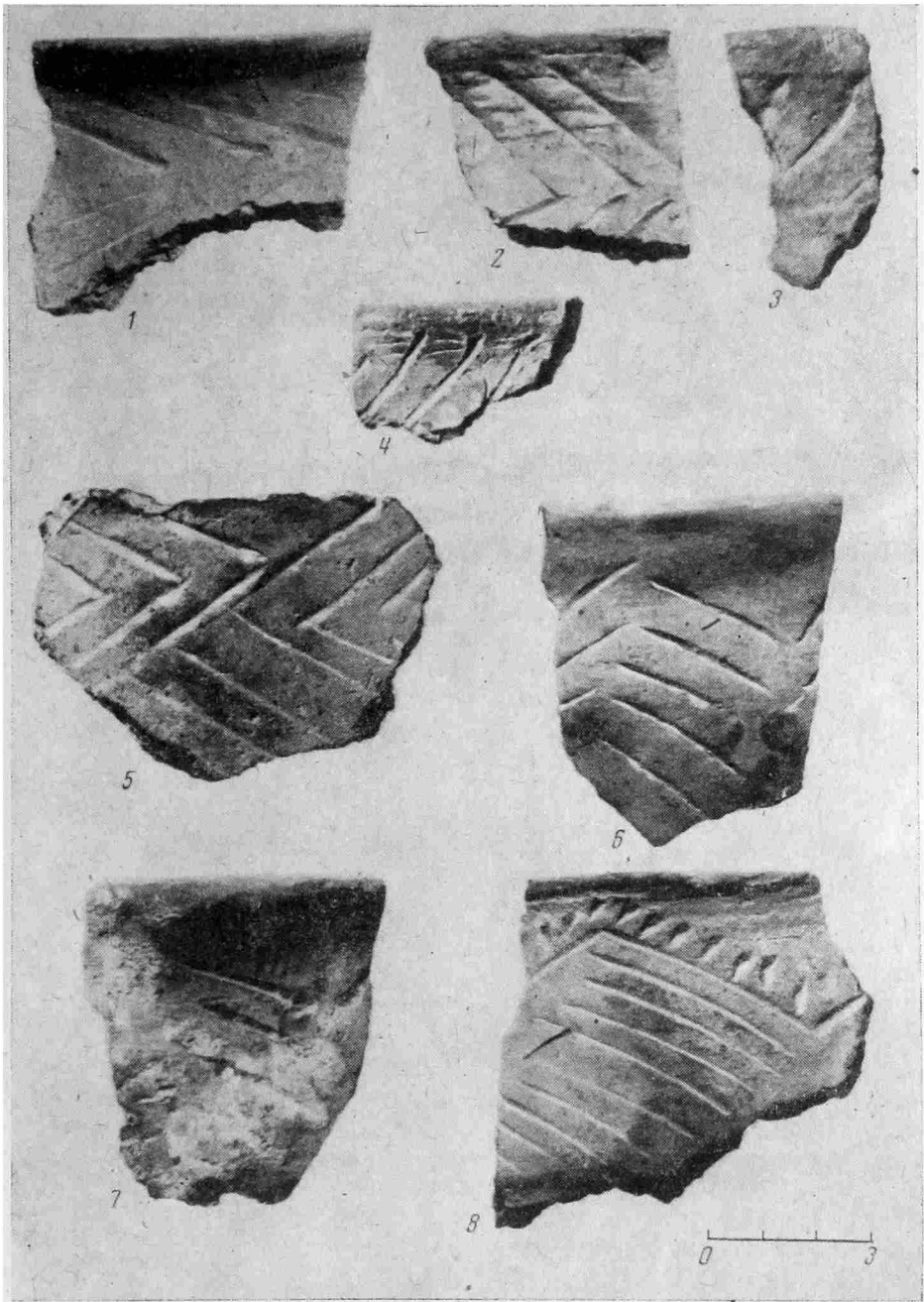

Рис. 1. Керамика с поселения Аучин 1

Памятник Аучин 1 состоит из крепости и примыкающего поселения, где уже ранее среди основной массы гончарной посуды были обнаружены фрагменты лепной орнаментированной керамики⁴. В 1972 г. здесь были собраны новые образцы подобной же посуды, украшенной нарезным елочным орнаментом (рис. 1, 1–7), а также рисунками из заштрихованных треугольников (рис. 1, 8), причем контуры треугольников подчеркнуты глубокими насечками.

Аучин 11 расположен в 1,5 км к востоку от Аучин 1 и представляет собой размытое пятно, усыпанное мелкой крошкой от лепной керамики. По всей видимости, это остатки развеянной стоянки, принадлежащей к

⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. XI.

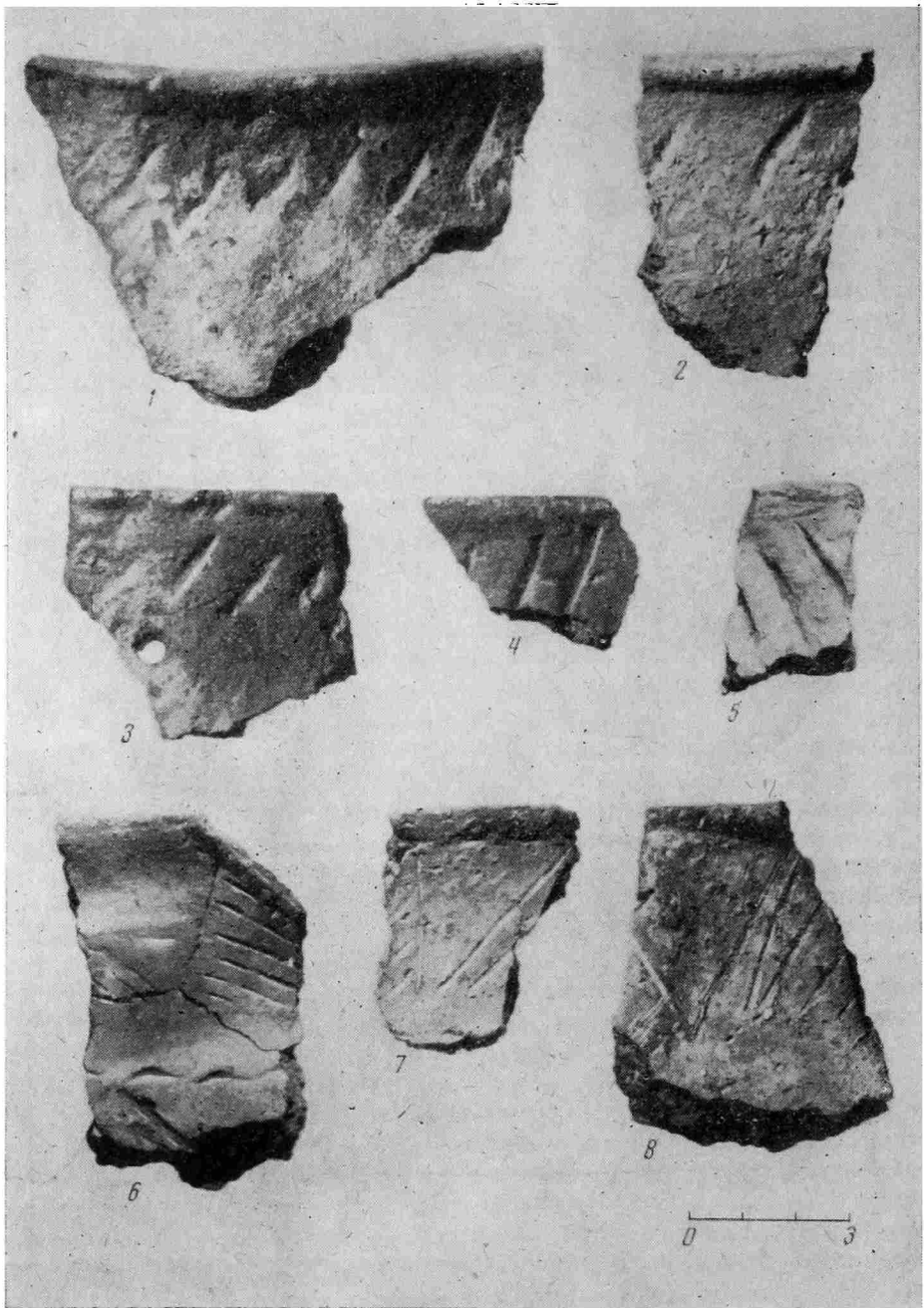

Рис. 2. Керамика с поселения Аучин 11

культуре степной бронзы. Со всей площади бывлой стоянки удалось собрать лишь около 20 фрагментов, дающих представление о формах и орнаментации керамики (рис. 2, 3). Имеются обломки сосудов с рисунками в виде косых насечек (рис. 2, 1–5) и заштрихованных внутри рядов треугольников (рис. 2, 6–8; 3, 7, 9, 10). Выделяется один фрагмент с уступом, украшенным в свою очередь мелкими треугольными вдавлениями (рис. 2, 6), и другой, также с уступом и двумя рядами треугольников (рис. 3, 10). Достаточно широко представлены обломки сосудов, орнаментированные елочными рисунками (рис. 3, 1–6).

Поселение Аучин 12 представляет собой остатки небольшого оседлоземледельческого памятника, расположенного в 500 м от Аучин 11 и сильно разрушенного процессами дефляции. Культурный слой почти полностью

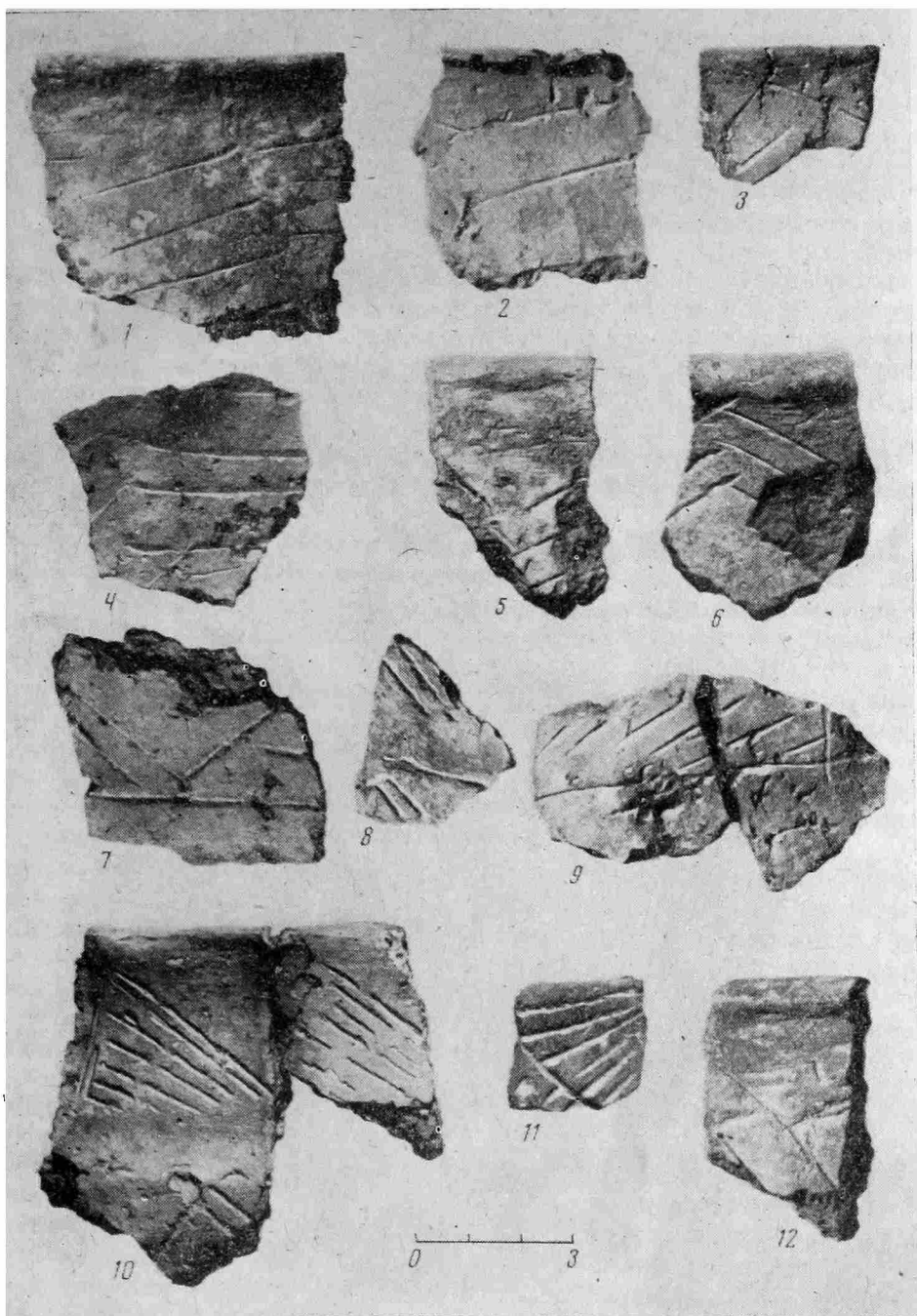

Рис. 3. Керамика с поселений Аучин 11 и 12

развезен, на поверхности среди основной массы гончарной керамики отмечены единичные фрагменты лепных горшков, на одном из которых сохранился нарезной орнамент (рис. 3, 12).

Аучин 16 — стоянка с развезанным культурным слоем, расположена в 2 км к западу от Аучин 1, за первой грядой барханов, так что большая ее часть засыпана песком. В подъемном материале — сильно фрагментированная лепная керамика. Найдено лишь четыре обломка с орнаментом (рис. 4, 1—4). Это елочный орнамент (рис. 4, 3), заштрихованные внутри треугольники (рис. 4, 1, 4), причем на одном таком фрагменте рисунки треугольников по контуру украшены вдавленными «ресничками» (рис. 4, 1).

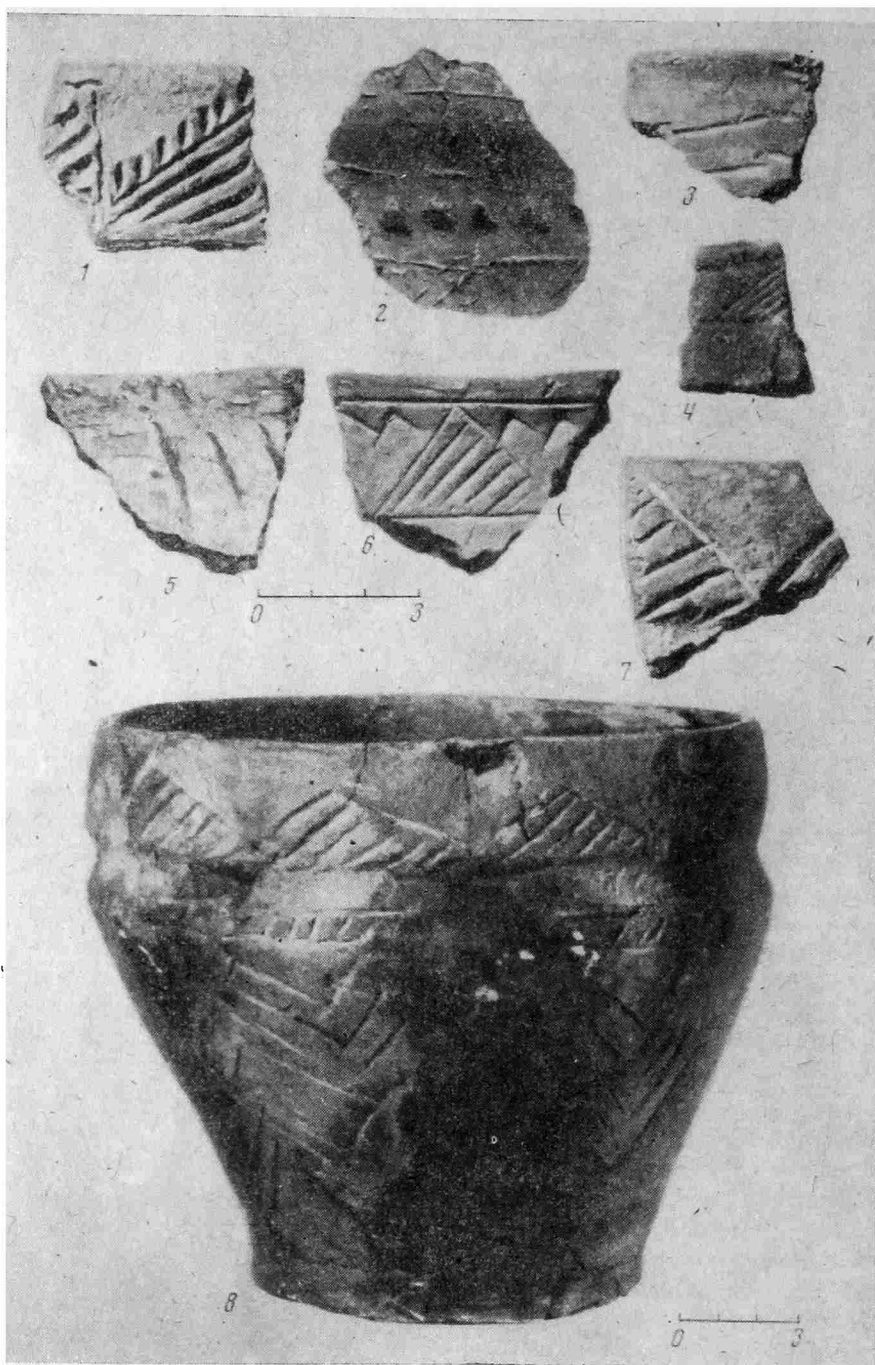

Рис. 4. Керамика с поселений Тахирбай 3 и 15

Имеется обломок сосуда с уступом и вдавленным орнаментом (рис. 4, 2). Таковы образцы лепной орнаментированной посуды, обнаруженные в ауцинском оазисе.

Небольшая коллекция подобной же посуды найдена и в тахирбаевской группе памятников. Так, дообследование поселения Тахирбай 3 выявило несколько таких фрагментов (рис. 4, 5—8), среди которых имеются экземпляры с рисунками из рядов заштрихованных треугольников, подчеркнутых вдавленными «уголками» (рис. 4, 6). Но бесспорно особого интереса заслуживает археологически целый сосуд, найденный на раскопе, на глубине 30—35 см от дневной поверхности (рис. 4, 8). В противоположность

всем известным образцам этот сосуд имеет скорее баночную форму, чем горшковидную, прямо поставленный бортик слегка загнут внутрь, что также представляет большую редкость. Бортик украшен фризом из заштрихованных треугольников, ниже которого идет уступ, подчеркнутый узкой лентой с насечками. Остальная часть тулова до самого дна опоясана елочным орнаментом.

Тахирбай 13 — слабо выраженное в рельефе поселение, поверхность которого покрыта мелкими обломками керамики. Обращает внимание изобилие лепной посуды, в том числе расписной, типа Яз I, в меньшей мере отмечена гончарная керамика «ахеменидского» облика. Таким образом, этот памятник принадлежит иному культурному кругу, чем упомянутые выше, и в этом плане обнаружение здесь лепной нарезной керамики представляет особый интерес (рис. 5, 4, 5). К сожалению, орнаментированная посуда представлена лишь двумя фрагментами, орнамент на них аналогичен описанному выше. Кажется, впервые керамика степного круга найдена совместно с лепной расписной, относящейся к VII—VI вв. до н. э., что может указывать на наиболее поздний период существования этого типа керамики.

Поселение Тахирбай 14 расположено в непосредственной близости от Тахирбай 3. Это крупный оседлоземледельческий памятник, большая часть которого засыпана надувным песком. В массе основной гончарной керамики встречены единичные лепные фрагменты (рис. 5, 6—8), из которых выделяется один обломок с зубчатым орнаментом и уступом (рис. 5, 6). И наконец, на Тахирбай 16, (Гонур-депе), укрепленном городке, являвшимся столичным центром всего оазиса, среди основной массы гончарной посуды также встречены единичные обломки лепной орнаментированной керамики (рис. 4, 1—4). Выделяются рисунки заштрихованных прямоугольников с «ресничками» (рис. 4, 1), а также часть стенки с уступом и нацарапанным и вдавленным орнаментом (рис. 4, 2).

Материалы, которыми мы располагаем, имеют принципиально важное значение в нескольких отношениях. Становится несомненным, что в Маргиане лепная с нарезным орнаментом керамика, встреченная на оседлоземледельческих памятниках, не является местной продукцией, а напротив, принадлежит степным культурам андроновского круга. Вряд ли есть необходимость конкретизации ее точной культурной принадлежности, в целом она ближе всего соответствует алакульскому этапу или, точнее, тазабагыябскому варианту андроновской культуры.

Расположение в непосредственной близости оседлоземледельческих памятников и стоянок культур степной бронзы, от раннего (аучинского) до позднего (тахирбаевского) периодов, указывает на вполне мирный и длительный характер сосуществования этих племен. Судя по новым обширным археологическим материалам⁵, в целом аналогичная картина наблюдается и в подгорной полосе Южного Туркменистана, так что внешне эффективную гипотезу о драматических событиях, связанных якобы с военным вторжением степных племен в традиционно земледельческие центры, следует признать ошибочной и не отвечающей характеру прямых археологических фактов. Действительно, в эпоху поздней бронзы степные, преимущественно скотоводческие племена двигаются в южном направлении и здесь вступают в контакты с местными оседлоземледельческими обитателями подгорной полосы Копет-Дага. Одним из таких контактов, очевидно, была обменная торговля, зафиксированная, с одной стороны, отмеченной выше лепной посудой на оседлоземледельческих памятниках, а с другой —

⁵ К. Кацурис. Раскопки на Елькен-депе в Южной Туркмении. АО—1966, М., 1967, стр. 336; В. И. Сариянди, К. А. Кацурис. Раскопки на Улуг-депе. АО—1967, М., 1968, стр. 342—344; А. Я. Щетенко. Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе. АО—1971, М., 1972, стр. 529—530; А. Я. Щетенко. Раскопки Теккем-депе. АО—1972, М., 1973, стр. 485; И. Н. Хлопин. Раскопки на Намазга-депе. АО—1967, М., 1968, стр. 350.

наличием высококачественной, явно импортной, гончарной керамики на тазабагыябских поселениях далекого Хорезма⁶.

Все более широкие раскопки соответствующих памятников показывают, что «степная» посуда появляется на самых поздних этапах комплекса Намазга VI. Так, на Теккем-депе она встречена на глубине до 0,8 м от дневной поверхности и полностью отсутствует в многометровых нижележащих наслоениях⁷. Важно отметить, что, по данным новых раскопок, общая толщина культурных слоев периода Намазга VI составляет не 7 м, как это считалось раньше, а 4,5 м для Намазга-депе⁸ и около 2 м на Улуг-депе⁹. Если учесть имеющиеся радиоуглеродные даты комплекса Намазга VI (для Улуг-депе 1330 ± 95 до н. э.; для «Вышки» Намазга-депе 1030 ± 60 до н. э.)¹⁰, то станет очевидным, что время существования его относится к XIII—X вв. и не ранее, причем отмеченные контакты со степными культурами скорее всего падают на последнее столетие. В этой связи отметим, что археологический комплекс Намазга VI выделяется достаточно широким распространением сероглиняной (в меньшей степени краснофонной) лощеной посуды и простым нацарапанным орнаментом. Приведенные наблюдения важны в связи с выдвинутой гипотезой о наличии «степной» керамики на памятниках Северного Афганистана¹¹, в связи с расселением ираноязычных племен из среднеазиатских степей. Следует отметить, что пока, несмотря на специальные поиски, такие материалы здесь нам неизвестны, и хотя лепные, но неорнаментированные сосуды отмечены на многих памятниках эпохи бронзы (рис. 6), они полностью копируют местную гончарную керамику и не могут связываться с посудой андроновского круга. Как кажется, выдвинутой гипотезе противоречат и соответствующие хронологические рамки: почти все известные южнобактрийские памятники эпохи бронзы не содержат гончарной керамики с нацарапанным орнаментом, которая, как было показано выше, предшествует появлению лепной посуды степного типа в Южном Туркменистане. Теоретически можно допустить проникновение степных племен на левобережье Амударьи (где в песках открыты стоянки каменного века), однако и в таком, чисто гипотетическом, случае их дальнейшая история протекала, минуя земледельческие оазисы коренной Бактрии.

Суммируя все сказанное, можно считать твердо установленным факт распространения степных племен в южном направлении, вплоть до их контактов с традиционно земледельческими центрами юго-запада Средней Азии. Взаимоотношения земледельческих и степных племен носили в целом мирный характер, вплоть до обменной торговли. В заключение следует остановиться на лингвистической принадлежности племен андроновской общности. Не доказано, что андроновские племена были ираноязычными, но эта теория широко распространена и опирается на факт преемственности срубно-андоновских племен с саками, савроматами и скифами, ираноязычность которых не вызывает сомнений. Более того, высказана гипотеза об иранизации срубных и андроновских племен со стороны степных племен Приаралья¹². Совершенно ясно, что вопрос этот, впредь до обнаружения каких-либо письменных свидетельств, будет оставаться дискус-

⁶ М. А. Итина. Из истории населения степной полосы среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 51.

⁷ А. Я. Щеганко. Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе..., стр. 530.

⁸ Он же. Раскопки «Вышки» Намазга-депе. Сб. «Успехи Среднеазиатской археологии». 1. Л., 1972, стр. 53.

⁹ В. И. Сарияниди. Продолжение работ на Улуг-депе. АО—1968, М., 1969, стр. 434.

¹⁰ Е. Н. Романова, А. А. Семенов, В. И. Тимофеев. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии». 2, Л., 1972, стр. 59—60.

¹¹ Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. ВДИ, 1971, 1, стр. 135.

¹² Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 232.

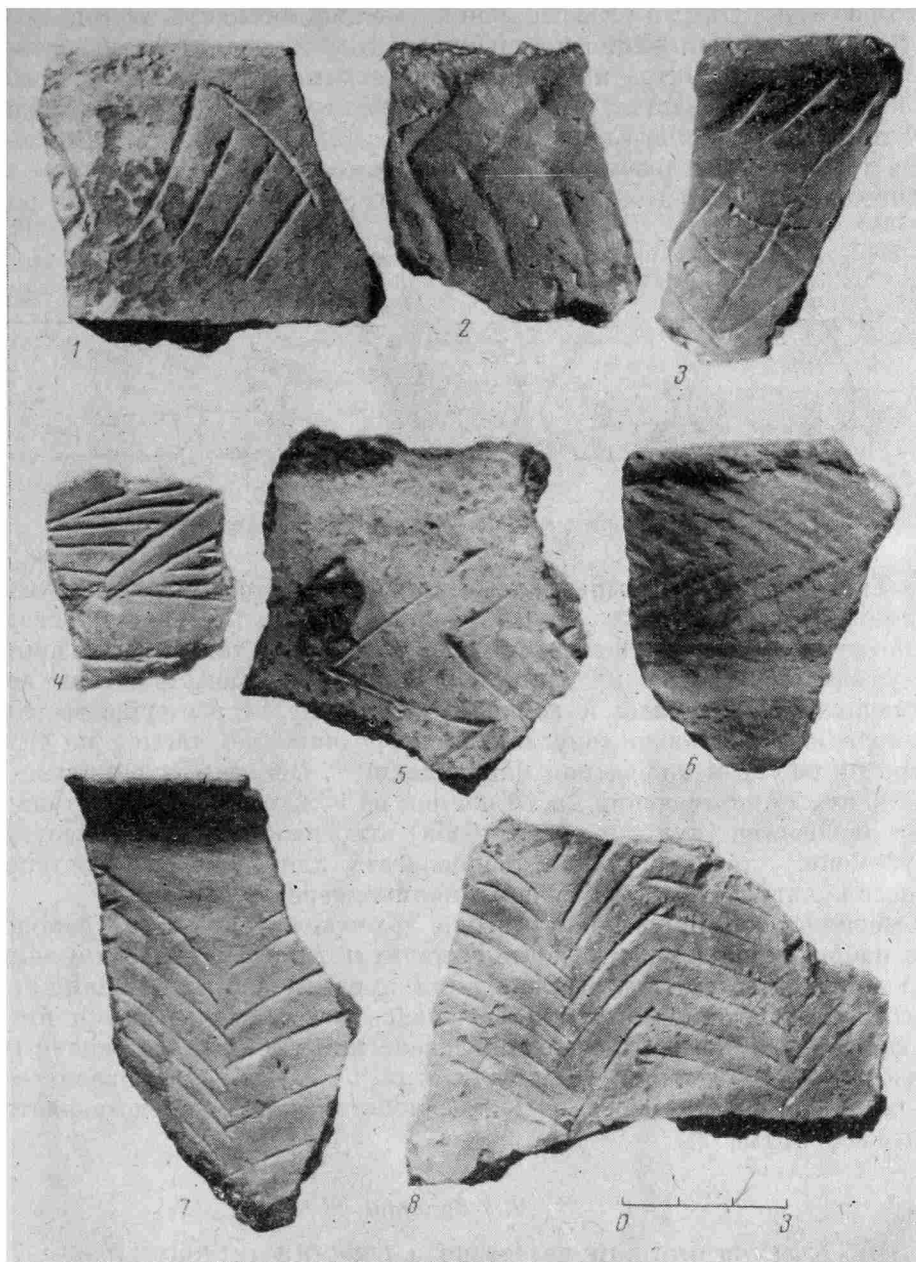

Рис. 5. Керамика с поселений Аучин 1, Тахирбай 13 и 15

сионным, что дает право выдвинуть иное предположение. В литературе высказано мнение о широком и, по-видимому, неоднократном расселении племен из иранского Хорасана в пределы Северного Афганистана и южных областей Средней Азии, что может ретроспективно отражать распространение восточноиранских языков в этом направлении¹³. Если дальнейшие исследования подтвердят ираноязычную принадлежность оседлоземледельческих племен Средней Азии эпохи поздней бронзы и в частности населения Маргианы, то не исключен и иной аспект в решении

¹³ В. И. Сарияниди. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 16—22; *его же*. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. КСИА АН СССР, 136, 1973, стр. 17—22.

этой проблемы. Иными словами, вопрос можно поставить так: не происходил ли процесс иранизации по языку степных культур в результате отмеченных выше контактов их с земледельческими племенами, происхождение которых связывается с районами Древнего Ирана. И возможно, не случайно в могильнике Кокча 3 отмечены представители двух расовых типов, в том числе средиземноморского, характерного для населения земледельческого юга¹⁴. В этой связи особого интереса заслуживают могильники

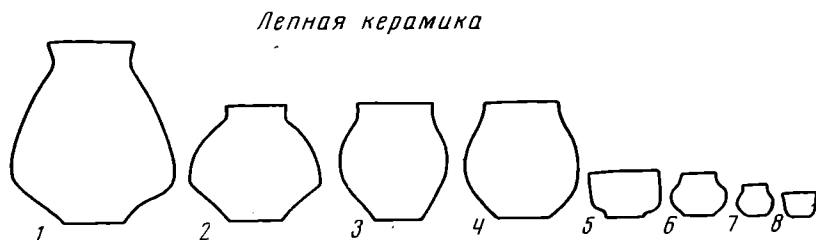

Рис. 6. Формы лепной керамики из Южной Бактрии

типа Тигровая Балка, погребальный инвентарь которых сочетает как традиционно земледельческие, так и степные элементы. Имеются сведения, что погребенные преимущественно относятся опять-таки к средиземноморскому антропологическому типу. По-видимому, правы все-таки авторы, считающие, что степные и земледельческие культуры существовали не изолированно¹⁵, и даже допускающие передвижение племен не только с севера на юг, но и в обратном направлении¹⁶. Отметим, что южные влияния вплоть до переселения части племен из Южного Туркменистана в низовья Зеравшана (культура заман-баба) относятся еще к предшествующему времени¹⁷, так что можно предполагать длительный и постепенный процесс культурных контактов и племенных передвижений.

Очевидно, что приведенные выше археологические и антропологические наблюдения дают основание выдвинуть гипотезу об ассимиляции по антропологическому типу и иранизации по языку части населения степной бронзы, непосредственно соприкасавшейся с земледельческими племенами, где средиземноморский антропологический тип являлся основным, начиная по крайней мере с IV тысячелетия до н. э. Проникновение восточноиранских племен в середине II тысячелетия до н. э. представляется наиболее вероятным¹⁸.

V. I. Sarianidi

LES TRIBUS DE LA STEPPE A L'EPOQUE DU BRONZE EN MARGHIANE

Résumé

Il a été établi à la suite de nouvelles campagnes de fouilles que dans l'ancien delta de la Marghiane coexistaient côte à côte des établissements agricoles sédentaires ainsi que des stations de tribus nomades d'Andronovo-Tazabaghian. La preuve en sont des

¹⁴ Т. А. Трофимова. Черепа из могильника тазабагьябской культуры Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1961, 5.

¹⁵ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, стр. 98.

¹⁶ Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 232.

¹⁷ А. Аскаров. Поселение Заман-Баба. КСИА АН СССР, 93, 1963; Л. В. Ошанин, В. И. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.

¹⁸ В 1974 г. в Гонурском оазисе найдена довая стоянка андроновского круга, а также фрагменты лепной орнаментированной керамики на оседлоземледельческих поселениях.

decouvertes isolées de céramique moulée avec un ornement incisé sur des monuments d'agriculteurs sédentaires des oasis d'Aoutchim et de Takhirbaev. La pénétration des tribus de pasteurs est évidente en direction du sud, où elles entrent en relations tout à fait pacifiques avec la population locale. Il y a tout lieu de supposer que la même chose s'est produite dans le reste du Turkménistan méridional. Il faut donc rejeter l'ancienne théorie selon laquelle des événements tragiques auraient résulté d'une invasion armée des tribus de la steppe dans les centres agricoles par tradition. Actuellement il n'y a aucune preuve archéologique directe en faveur de la vieille conception. Au contraire, l'ensemble des faits existants indique des relations parfaitement pacifiques dans cette vaste zone de contact.